Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

С. 68–73

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПУБЛИЧНУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО ИЛИ ПОСОБНИЧЕСТВО?

Дмитрий Сергеевич Корешников

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия
d.koreshnikov@loys.law
https://orcid.org/0009-0007-7643-8796

Аннотация. В статье анализируются дискуссионные вопросы квалификации действий лица (транслятора), которое по согласованию с непосредственным причинителем вреда обеспечивает публичную демонстрацию совершенного преступления. Автор рассматривает актуальную проблему правоприменения, возникшую в связи с включением в 2024 году признака «совершение преступления с публичной демонстрацией» в ряд составов УК РФ. В работе проводится разграничение между онлайн-трансляцией в режиме реального времени и посткриминальным размещением материалов в сети «Интернет». Обосновывается позиция, согласно которой данный признак должен охватывать оба вида действий, так как они в равной степени повышают общественную опасность деяния.

Особое внимание уделено поиску оптимальной уголовно-правовой квалификации действий транслятора. Автор анализирует существующие в доктрине подходы: от признания транслятора соисполнителем до квалификации его действий как пособничества или отсутствия состава преступления. В статье предложен дифференцированный подход к квалификации, базирующийся на конструкции конкретного состава преступления. Предложенные правила предусматривают квалификацию действий транслятора как соисполнительства, если публичная демонстрация выступает криминообразующим признаком, или как пособничества — если она является квалифицирующим признаком. Также определены условия, при которых транслятор не подлежит уголовной ответственности. Работа направлена на формирование единообразной правоприменительной практики и устранение пробелов в толковании норм, связанных с феноменом треш-стриминга и распространением криминального контента.

Ключевые слова: публичная демонстрация, треш-стриминг, соисполнительство, пособничество, квалификация преступлений, уголовная ответственность, Интернет

Для цитирования: Корешников Д. С. Квалификация действий лица, осуществляющего публичную демонстрацию преступления: соисполнительство или пособничество? // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 68–73. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

Research article

QUALIFICATION OF THE ACTIONS OF A PERSON PERFORMING A PUBLIC DEMONSTRATION OF A CRIME: CO-PERPETRATION OR AIDING AND ABETTING?

Dmitry S. Koreshnikov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
d.koreshnikov@loys.law
https://orcid.org/0009-0007-7643-8796

Abstract. The article analyzes debatable issues regarding the qualification of the actions of a person (a broadcaster) who, in agreement with the direct perpetrator of harm, provides a public demonstration of a committed crime. The author examines a topical problem of law enforcement that arose in connection with the inclusion of the sign “committing a crime with public demonstration” into a number of elements of the Criminal Code of the Russian Federation in 2024. The study differentiates between real-time online streaming and post-criminal posting of materials on the Internet. The author substantiates the position that this sign should cover both types of actions, as they equally increase the public danger of the act. Special attention is paid to finding the optimal criminal law qualification of the broadcaster’s actions. The author analyzes the approaches existing

© Корешников Д. С.

in the doctrine: from recognizing the broadcaster as a co-perpetrator to qualifying their actions as aiding and abetting or the absence of a corpus delicti. The article proposes a differentiated approach to qualification based on the structure of a specific corpus delicti. The proposed rules provide for qualifying the broadcaster's actions as co-perpetration if public demonstration acts as a crime-constituting sign, or as aiding and abetting if it is a qualifying sign. The conditions under which the broadcaster is not subject to criminal liability are also defined. The work is aimed at forming a uniform law enforcement practice and eliminating gaps in the interpretation of norms related to the phenomenon of trash-streaming and the dissemination of criminal content.

Keywords: public demonstration, trash-streaming, co-perpetration, aiding and abetting, qualification of crimes, criminal liability, Internet

For citation: Koreshnikov DS. Qualification of the Actions of a Person Performing a Public Demonstration of a Crime: Co-perpetration or Aiding and Abetting? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):68-73. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-68-73

Введение

Добавленный в 2024 году в ряд составов признак «преступление, совершенное с публичной демонстрацией» поставил ряд существенных вопросов перед учеными и правоприменителями, в том числе, как квалифицировать действия оператора и исполнителя, если последний не знал о ведущейся съемке [2, с. 20], подлежат ли уголовной ответственности активные зрители [18, с. 99–101], является ли публичной демонстрацией трансляция в закрытой группе [5], каков момент окончания преступления с публичной демонстрацией [4, с. 96–97], как разрешать коллизию двух отягчающих признаков: «использование сети «Интернет»» и «демонстрация в сети «Интернет»» [6], каково соотношение «публичной демонстрации» и «публично демонстрирующимся произведением» [10, с. 15–21] и так далее.

В настоящей статье остановимся лишь на одном проблемном аспекте — квалификация действий лица, которое по согласованию с непосредственным причинителем вреда осуществляет исключительно публичную демонстрацию преступления.

Материал и методы

При подготовке публикации использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы уголовной и административной ответственности за демонстрацию противоправных действий, специальная литература и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, анализ теоретических и правовых источников.

Описание исследования

Прежде чем углубиться в изучение вопроса о том, как квалифицировать действия лица, осуществляющего публичную демонстрацию преступления, необходимо решить еще один вопрос, также поднятый в научной литературе. Признак «совершение преступления с публичной демонстрацией» будет относиться только к треш-стримеру — лицу, которое ведет «прямой эфир» с места преступления? Или этот признак необходимо распространять и на лицо, которое уже после преступления, обеспечило его публичную демонстрацию: например, выложило видеозапись преступления на сайт?

Ряд специалистов указывают на то, что для вменения этого признака необходима синхронность действий: «демонстрация должна осуществляться в условиях реального времени, а не в качестве записи состоявшегося события» [16, с. 187]. В качестве аргументов в пользу такого толкования указывается как на цель введения в 2024 году в ряд статей УК РФ этого признака — необходимость борьбы именно с треш-стримами [9, с. 128–129], так и на разность понятий «демонстрация» и «распространение» [16; 18]. В качестве аргумента применяется и лингвистический способ толкования: описание признака с предлогом «с» и в творительном падеже («совершенное с демонстрацией»), по мнению ряда ученых, свидетельствует об одновременности, о сопровождении действий по причинению вреда демонстрацией [16, с. 187].

Вместе с тем, имеется и ряд возражений против такого подхода.

Данный признак существовал в ряде статей УК РФ и до внесений изменений в 2024 году и не был связан конкретно с треш-стримами, поэтому исключительно исторический способ толкования нормы со ссылкой на пояснительную записку к закону 2024 года не совсем обоснован. Тем более, что судебная практика по ст. ст. 242, 245 УК РФ, где этот признак появился задолго до криминализации треш-стримов, свидетельствует о том, что суды под демонстрацией подразумевают и размещение информации (материалов, сведений) на личных страницах и в группах после самого противоправного деяния [12, с. 99–100; 7].

Кроме того, буквальное толкование не исключает и иного подхода: формулировка признака никак не определяет время демонстрации, а значит не исключает и посткриминальное действие [5; 14, с. 16].

Грань между демонстрацией и распространением хоть и проведена на уровне толкования в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37[1],

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием

© Корешников Д. С.

но фактически это грань часто условна[2], не имеет существенного значения и при вынесении решений по уголовным делам правоприменитель часто использует эти термины для описания одних действий [19].

Да и само определение «демонстрации», данное в п. 22 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37, ставит под сомнение возможность в ряде случаев разграничить эти понятия при использовании сети «Интернет». Как указывает П. С. Яни: «Пленум отнес к публичной демонстрации не только прямую трансляцию, но и размещение информации в Сети там, где она будет доступна длительное время, естественно, выходящее за границы периода совершения демонстрируемых преступных деяний» [19, с. 34].

При таких обстоятельствах, надо исходить не из истории принятия конкретных поправок и тонкостей лингвистического толкования нормы, а из сути признака — признака, который из административного правонарушения делает деяние преступлением (ст. 116 УК РФ), переводит состав из простого в квалифицированный (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ) или становится обстоятельством, отягчающим наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

С этой точки зрения, нам кажется обоснованной позиция О. Н. Агеевой и С. В. Анощенковой, которые пишут, что «и онлайн-трансляции и размещение материалов с отлагательным временным эффектом в равной мере влияют на степень общественной опасности» [1, с. 6]. Действительно, если злоумышленники решили сделать достоянием общественности информацию о своем преступлении, вне зависимости от того, будет ли это онлайн-эфир или последующее размещение треш-контента в сети «Интернет», в обоих случаях это свидетельствует об их особой дерзости и наглости, и в обоих случаях такие действия причиняют одинаковый вред как потерпевшему и его близким, так и общественной нравственности.

В развитие этого тезиса можно привести и аргументацию В. В. Семеновой, которая называет демонстрацию, совершенную после самого преступления, — «криминализованным постпреступным поведением». По ее мнению, данное поведение также подлежит квалификации по рассматриваемому в настоящей статье признаку. В поддержку своей позиции В. В. Семенова указывает, что «законодатель уже использовал такую конструкцию нормы, где лицу вменяется квалифицирующий признак, содержащий действия, на совершение которых умысел у лица возникает после совершения основного состава преступления (например, п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ)» [11, с. 157].

Таким образом, полагаем, что признак «с публичной демонстрацией» должен быть применим как к треш-стримеру, ведущему прямой эфир, так и к лицу, разместившему криминальный контент для общего доступа уже после преступного посягательства. Именно из этого будем исходить в дальнейшем в настоящей статье, применяя для простоты изложения к обоим субъектам ранее предложенное Н. Ю. Скрипченко название — «транслятор» [13].

В литературе имеется мнение о том, что действия транслятора необходимо квалифицировать как исполнителя преступления (соисполнительство с основным причинителем вреда). Данное предложение основано как на анализе судебной практики, так и на теоретических рассуждениях относительно совершения транслятором действий, входящих в объективную сторону основного или квалифицирующего состава преступления.

Так, ряд авторов [2, с. 392] указывают на то, что судебная практика применения ст. 245 УК РФ, в которой признак «с публичной демонстрацией» существует с 2017 года, пошла по пути вменение п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ и лицу, которое само над животным не издевалось, но снимало процесс истязания на видео и выкладывало его в сеть «Интернет».

В свою очередь, И. О. Ткачев, анализируя ст. 116 УК РФ, приходит к выводу, что «публичная демонстрация» выступает составообразующим элементом, который качественно меняет юридическую природу насильственного деяния, переводя его из плоскости административного правонарушения (ст. 6.1.1 КоАП РФ) в сферу уголовной ответственности (ст. 116 УК РФ). Таким образом, публичная демонстрация может являться обязательным признаком объективной стороны преступления, в силу чего момент начала трансляции или размещения контента становится точкой как юридического начала, так и окончания преступления. При таких обстоятельствах, транслятор становится соисполнителем преступления, так как без его действий состав преступления отсутствует [14, с. 15, 16].

С. В. Шевелева и О. Г. Михайлова [16, с. 188], А. А. Бульбачева и А. В. Котяжов [2, с. 21] также указывают на то, что лицо, совершающее насилие, и лицо, осуществляющее видеосъемку и стриминг, должны признаваться соисполнителями. Свою позицию они обосновывают тем, что их действия «взаимообусловлены»: без участия транслятора не было бы достигнуто само «повышение общественной опасности», которое стало основанием для криминализации треш-стримов. Трансляция «на камеру» является неотъемлемым элементом объективной стороны преступления, а не просто второстепенной помощью.

С этим доводом частично соглашается П. С. Яни, который применительно к составу преступления, предусмотренного п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, используя по аналогии пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16[3], пишет, что транслятор

электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 02.08.2026).

[2] Интернет-стример понимает, что зритель с помощью программного обеспечения или дополнительного оборудования может записать онлайн-трансляцию и использовать эту запись в дальнейшем по своему усмотрению — а это в дефинициях Постановления Пленума ВС РФ № 37 уже «распространение», а не «демонстрация».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против по-

© Корешников Д. С.

«выполняет часть объективной стороны квалифицирующего состава убийства — умышленного причинения смерти другому лицу, совершенного с публичной демонстрацией. То есть становится соисполнителем так же, как применяющий насилие, но не совершающее половой акт с жертвой лицо является соисполнителем изнасилования» [19, с. 6]. Однако ученый при этом выражает скепсис относительно возможности квалификации действий транслятора как соисполнителя в убийстве и указывает, что судебная практика отвергнет это с опорой на разъяснения, содержащиеся в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1[4], который гласит, что групповое убийство предполагает применение насилия в отношении жертвы каждым членом группы. Соответственно суды не станут квалифицировать действия транслятора как соисполнительство, и для такого соучастника останется лишь роль пособника, оказывающего содействие совершению преступления путем предоставления средств его совершения [19].

Есть и третья группа авторов [1; 8; 15], которые указывают на невозможность в принципе в нынешних правовых реалиях квалифицировать действия транслятора ни как соисполнительство, ни как пособничество.

Так, О. Н. Агеева и С. В. Анощенкова указывают на необоснованность применения института соучастия в рассматриваемой ситуации в целом. На примере ст. 105 УК РФ видно, что действия по съемке и трансляции не являются частью объективной стороны убийства. Они совершаются параллельно, не влияют на наступление смерти и не имеют причинно-следственной связи с преступным результатом. Выход авторы видят только один — введение отдельной статьи в Уголовный кодекс, предусматривающий самостоятельную ответственность за «публичную демонстрацию любого умышленного деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса» [1, с. 7].

Вместе с тем, в условиях отсутствия такого состава в действующем УК РФ, необходимо выработать для правоприменителя правила квалификации с учетом доктрины, существующего законодательства и уже высказанных Верховным Судом РФ позиций. Видится, что эти правила будут зависеть как от конструкции конкретного состава, так и от обстоятельств дела и предполагать значительную дифференциацию, вплоть до того, что по одному и тому же составу, транслятор может выступить и как пособник, и как соисполнитель.

Проиллюстрируем это на примерах, предложенных Ю. А. Шутовой [17, с. 48–50]. В своем исследовании она предлагает дифференцировать квалификацию угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ) с учетом механизма публичной демонстрации, выделяя две модели совершения преступления.

Модель «реального времени»: угроза высказывается непосредственно в адрес потерпевшего в реальном времени, но при этом происходит онлайн-трансляция происходящего в сети «Интернет». В данном случае признак публичной демонстрации квалифицируется как обстановка совершения преступления (факультативный признак объективной стороны) и транслятор, который сам угрозу не высказывает, а лишь ведет «репортаж» с места преступления, не может выступать соисполнителем. Он — пособник.

Модель «отложенной публикации»: процесс высказывания угрозы фиксируется на видеозапись без физического присутствия потерпевшего, после чего запись размещается в сети «Интернет». Данная конструкция рассматривается как сложное единичное преступление с двумя действиями: первое действие — высказывание угрозы под камеру само по себе не образует состава преступления, так как такое высказывание еще не дошло до адресата. Второе действие — размещение контента реализует признак публичной демонстрации, обеспечивая доступность угрозы для восприятия, что и может эту угрозу сделать преступлением, предусмотренным ст. 119 УК РФ. При таких обстоятельствах, транслятор уже выступает как лицо, участвовавшее в создании и передачи угрозы потерпевшему — то есть становится соисполнителем преступления.

Заключение и вывод

Учитывая все вышеизложенное, можно предложить следующие правила квалификации действий транслятора, в зависимости от конструкции состава преступления:

1. В составах, где «публичная демонстрация» выступает криминообразующим, конститутивным признаком (например, в некоторых случаях ст. 116 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ), действия транслятора должны квалифицироваться как соисполнительство.

2. В составах, где «публичная демонстрация» это лишь квалифицирующий признак, отсутствие которого не исключает преступность деяния (например, п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 119), действия транслятора должны квалифицироваться как пособничество.

3. В составах, где этот признак не является ни криминообразующим, ни квалифицирующим, транслятор не подлежит уголовной ответственности (возможна административная ответственность по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ), однако, при назначении наказания исполнителю, чей умысел охватывал публичную демонстрацию, должно учитываться отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

4. В случае, если транслятор и исполнитель действовали независимо друг от друга, то транслятор не подлежит уголовной ответственности (возможно его привлечение по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ), а исполнитель должен отвечать только за свое деяние без учета признака «с публичной демонстрацией».

ловой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 02.08.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 02.08.2026).

© Корешников Д. С.

Список источников

1. Агеева О. Н., Анощенкова С. В. Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, — новый признак состава преступления? // Уголовное право. 2025. № 6. С. 3–9. DOI: 10.52390/20715870_2025_6_3

2. Боженова А. А. Проблема соучастия в квалификации преступлений против личности, совершенных с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул, 2025. С. 392–393.

3. Бульбачева А. А., Котяжов А. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации «публичной демонстрации» преступления как обстоятельства отягчающего уголовную ответственность // Полицейская деятельность, 2025, № 3. С. 17–25. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.3.74930

4. Дмитренко А. П., Куцык В. П. Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как признак побоев // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 4. С. 95–99. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-4-392-95-99

5. Дубовиченко С. В. Совершение преступления с публичной демонстрацией: анализ законодательных новелл // Российская юстиция, 2026, № 2. С. 18–25. DOI: 10.52433/01316761_2026_02_18

6. Ермолович Я. Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 1. С. 67–74.

7. Жевлаков Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 32–39. DOI: 10.52390/20715870_2024_5_32

8. Морозов В. И., Лосев С. Г. К вопросу об особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья с публичной демонстрацией в сети Интернет // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к юбилею известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Людмилы Мильтоновны Володиной. Тюмень, 2025. С. 129–137.

9. Недогибченко Я. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершенных с публичной демонстрацией в сети «Интернет» // XV Дагелевские научные чтения. Уголовная политика России: истоки, тенденции, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2025. С. 127–130.

10. Савельева О. Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся произведением // Jus strictum, 2025, № 2. С. 15–21. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-2

11. Семенова В. В. Публичная демонстрация преступления: проблемы правоприменения // Закон. Право. Государство. 2025. № 1 (45). С. 156–158.

12. Скляров С. В. Квалификация преступлений, совершенных с публичной демонстрацией // Российское правосудие, 2025. № 11. С. 96–101. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.11.96-101

13. Скрипченко Н. Ю. Публичная демонстрация совершаемого преступления: законодательная регламентация и квалификация // Российская юстиция. 2025. № 9. С. 11–17. DOI: 10.52433/01316761_2025_09_11

14. Ткачев И. О. Парадоксы уголовной ответственности за треш-стриминг // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 4. С. 12–21. DOI: 10.31085/2949-138X-2025-4-208-12-21

15. Шаганова О. М. Проблемы квалификации отдельных преступлений против личности, совершаемых с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 192–193.

16. Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право, 2025, Т. 15, № 2. С. 182–191. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-2-182-191

17. Шутова Ю. А. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершаемой с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) // Общество и право, 2026, № 1 (95). С. 47–51.

18. Юрченко И. А. Теоретические и практические аспекты квалификации различных форм участия в публично демонстрируемых преступлениях против личности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025, № 5 (129). С. 93–101. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101

19. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 2(1084). С. 33–36.

© Корешников Д. С.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корешников Дмитрий Сергеевич

Преподаватель кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, 620137, Россия
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Koreshnikov

Lecturer at the M. I. Kovalev Department of Criminal Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russia,
E-mail: d.koreshnikov@loys.law
ORCID: 0009-0007-7643-8796

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.08.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 31.08.2026.

© Корешников Д. С.